

A man in a dark suit and tie is floating horizontally underwater, holding a black briefcase. He is looking towards a large, dark shark with its mouth open, showing sharp teeth. The background is a deep blue gradient. In the top right corner, there is a white circle with a black border containing the text '0+'.

0+

Владимир Харитонов

Рыбалка

Владимир Юрьевич Харитонов

Рыбалка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63099287

SelfPub; 2022

Аннотация

"Рыбалка" – это рассказ о малой родине, природе, ностальгии по детству и описана реальная рыбалка ... Легкое чтение с юмором для людей, уставших от рассказов об убийствах, предательстве и реалиях "сегодняшней жизни" ...

Владимир Харитонов

Рыбалка

После окончания средней школы № 54 в городе Иванове, в далеком 1972 году, я поступил учиться на дневное отделение ивановского текстильного института. Помимо учебы, которая отнимала много времени и сил, увлекся велосипедным спортом. Спортивную секцию при институте вел известный, в те времена, тренер Игорь Николаевич Кузьмин. Именно во время изнурительных тренировок я и познакомился со своей ровесницей, весьма симпатичной девушкой, по имени Наташа. Среднего роста и телосложения брюнетка старательно выполняла тяжелые упражнения, время от времени поглядывая и в мою сторону. Отношения развивались весьма быстро, по крайней мере, так нам обоим казалось.

И в мае 1975 года, в возрасте двадцати лет, мы поженились. Свадьбу справили достаточно скромно в избе ее родителей с небольшим количеством гостей. Отдельного жилья у нас не было, и мы временно поселились у моих предков в частном доме на улице 20-я Линия областного центра. Хоть и говорят, что Иваново-город невест, но моя избранница оказалась из Тейкова, где и проживали ее мать и отец. Это небольшой городок в тридцати километрах от Иванова. Супруга вскоре после свадьбы забеременела, и я развлекал ее, как мог, стараясь быть примерным мужем. В середине ле-

та, этого же года, я предложил ей съездить к моей бабушке Прасковье Павловне Антоновой, в деревню Бушарику Тейковского района. Хотел показать, что такое настоящая рыбалка. Да и места там красивые, куда ни глянь, всюду лес и ухоженные засеянные поля.

В детстве, когда гостил у бабки в летние каникулы, мы частенько с местными пацанами бегали на речку Нерль. Проживал я тогда в одноименном поселке, с родителями и двумя младшими братьями, в десяти километрах от деревни. У всех мальчишек имелись самодельные удочки. Но, несмотря на примитивные приспособления, как мне помнится, рыбалка всегда оказывалась удачной... или почти всегда. Речка совсем не широкая и не глубокая, однако, с чистой, прозрачной водой. Она извивалась причудливой змейкой по тейковскому району и все мое детство так или иначе связано с ней. Правда раз в год или два, спиртовой завод Петровский, стоящий выше по течению, сливал в воду какие-то отходы: она темнела на время, и по течению плыло много полуживой, а может просто пьяной рыбы. Ее местные жители, проживающие недалеко от реки, естественно те, кому не лень, набирали полные корзины или ведра. Интересы от такого сбора речной пищи, конечно, никакого. Ни утреннего тумана или вечерней зорьки, ни застывшего поплавок перед глазами, ни изогнувшейся удочки от тяжести, попавшей на крючок добычи. Но через несколько дней вода светлела, река оживала и возобновлялась обычная рыбная ловля. Как восстанавли-

валась популяция речных обитателей за столь короткое время, для меня всегда оставалось большой загадкой. . . .

Пассажирам поездом из Иванова за пару часов мы добрались до поселка Нерль, где, как говорится, прошло мое детство, и все окружающие пейзажи до боли родные. Ну, а дальше на попутной грузовой полуторке по пыльной проселочной дороге направились в деревню. Машину «поймали» в центре поселения возле ткацкой фабрики, откуда они регулярно разъезжались по окрестным деревням. Жена разместилась в кабине рядом с водителем, а мне досталось отличное место сзади наверху. Я стоял в полный рост, держась обеими руками за наращенный борт кузова. Теплый ветер дул в лицо, а за автомобилем клубилась поднятая им пыль. Порой казалось, будь-то мы, еле успеваем от нее умчаться. И слева и справа просматривалась настолько приятная глазу панорама, что сердце от радости и умиления, казалось, готово выпрыгнуть из груди. Вскоре показались Хлебницы, небольшая деревенька посередине пути от поселка Нерль до Бушарихи. Сразу за ней въехали в смешанный лес, где лиственные деревья росли вперемежку с соснами и елями. Справа виднелась любимая речка. Именно в этом месте она наиболее глубока и ради ее глубины мы пацанами на велосипедах ездили сюда купаться и ловить рыбу.

Промелькнули кусты орешника, именно здесь ближе к осени можно полакомиться орехами – фундук. А рядом стоят стройные березки, украшение всех российских лесов.

Сколько про них всего написано стихов, рассказов, сколько глаз покрывается слезами при виде их после разлуки. Как только заканчивается лес, взору предстает моя малая Родина, уютная и тихая деревенька Бушариха.

С обеих сторон ее окружают сосновые рощи, которые местные жители почему-то называют зименками. Деревья в них стоят достаточно старые, высокие и ярко-зеленые, круглый год. Чуть дальше, за колхозными полями, с левой стороны от дороги – довольно густой лес, точно такой же, из которого мы только что выехали. В его укромных местах за сезон можно набрать не одну корзину и грибов, и ягод. Помнится, что самое вкусное, что я пробовал в жизни – это земляничное варенье моей бабушки. Даже кусок черного хлеба, намазанный им, волшебным способом превращался во вкуснейшее пирожное.

Сама деревня состояла из старых рубленых домов, порядка полутора сотен, клуба, и магазина. Дома в целом казалось, разбросаны в каком-то беспорядке, но пара улиц определенно просматривалась. До самых девяностых годов здравствовала и ткацкая фабрика, на которой работали почти все местные жители. Прямо посередине деревни то тут, то там росли высокие и стройные сосны, вечно весело-зеленые. В общем, обычная советская деревня, со своей размеренной жизнью и очень простыми в общении людьми.

Здесь я родился в деревянном двухэтажном доме, имеющем два или три подъезда. Он принадлежал ткацкой фабри-

ке и предназначался для ее рабочих. В коммунальной квартире на три семьи, одну комнатенку занимала Прасковья Павловна и в ней же ютилась и вся наша семья. На тот период единственным ребенком оказался я. Хорошо помню общую кухню, на которой стояли три примуса – у каждой семьи свой аппарат. В них заправлялся керосин. На огне готовилась и подогревалась пища. Но отца, по-видимому, такая жизнь не устраивала и к трем моим годам, он построил своими руками дом в поселке Нерль и вскоре свою семью перевез туда. Прасковья Павловна осталась одна, и этот факт, наверное, ее не сильно огорчил. Однажды, фабричный двухэтажный дом сгорел, как говорится, дотла. В нем погибли ребенок и молодая сиделка, девочка-подросток. Причиной пожара оказался неисправный примус, по крайней мере, такая официальная версия выдвинута пожарными. Она казалась наиболее достоверной....

На средства фабрики очень быстро построили несколько щитовых домов на четыре семьи и всех погорельцев расселили. Зато у каждой семьи стало по отдельной комнате, а то и по две, кухне, кладовке и туалету с прорезанным отверстием. И появилось еще одно достижение цивилизации – природный газ в больших баллонах, который регулярно привозили из районного центра, во избежание повторных пожаров. При этих домах были и небольшие огородики, на каждую семью по паре соток, на которых обычно сажали картошку, помидоры, огурцы. А вот воду набирали из уличных колонок вед-

рами, но в те времена такое положение дел всех устраивало. У бабушки, как я помню, был дом 16 квартира 1, а названия улицы просто не существовало.

В нее я без предупреждения, и завалился со своей молодой супругой. Прасковья Павловна меня всегда любила и жену мою приняла сразу и безоговорочно. Помню, мне хвалила ее: «Какая тебе, внучок, красивая жена досталась. Лицо, вон какое круглое». Круглое лицо, по-видимому, она считала эталоном женской красоты. Правда, почему совсем неполное лицо моей избранницы она называла «круглым», я никогда не понимал. Правда не исключено и то, что родственница просто шутила. Она обладала достаточно хорошим чувством юмора.

Приехали мы уже после обеда, но бабушка накормила нас простой деревенской пищей, разогретой на газовой плите – каким-то супом, без названия, жареной картошкой и овощами. Наполнив наспех желудок, я сбегал в «зименки» за удилами из орешника, который хоть и в небольшом количестве, но рос среди сосен. Лески, крючки, грузила купил заранее, еще в Иванове. За пять-десять минут изготовил две полноценных удочки для вечерней рыбалки. Опыт для этого, и немалый, у меня имелся. С детства помню, что рыба лучше клюет вечером или рано утром. Обед, видимо, она не признавала.

До реки надо идти около километра по болотистому месту. Однако местные мужики строили на болоте мостки из

досок, и проблем для пешеходной прогулки никаких не возникало. За рекой находилось село Санково. Храм в нем давно разрушен до основания, но, тем не менее, поселение звали не деревней, а именно селом. Его жители также работали на фабрике в Бушарихе. На смену они вынуждены ходить теми же мостками, по которым и мы добрались до реки. Берега соединял деревянный мост, который местные жители звали «лавами». Шириной он метра полтора, ради экономии перила всегда ставились с одной стороны. Каждую весну, при разливе реки, деревянную переправу ломало ледоходом, и попасть с одного берега на другой можно только на лодках. Но от работы это обстоятельство никого не освобождало. Некоторые рабочие на время разлива даже снимали квартиры в Бушарихе для того, чтобы не утруждать себя ежедневной заботой добираться домой, а на другое утро вновь на фабрику. Когда вода спадала, мост восстанавливали.

С этими «лавами» у меня связаны хоть и детские, но не совсем приятные воспоминания. . . . Когда я в возрасте примерно тринадцати лет, приехал в гости к своей бабуле, то, как обычно, пошел на речку искупаться и заодно встретить своих друзей-погодок. На мостике стояла симпатичная девочка, по виду моего возраста, и хотела с него нырнуть в воду, но никак не решалась. Высота от водной поверхности около двух метров. Я раньше нырял с этого моста, причем неоднократно и всегда удачно. А для более красивого прыжка даже раскачивался на выступающей над водой доске. В этот

раз мне сильно захотелось показать понравившейся девчонке мастер-класс... Обычно в этом месте достаточно глубоко и я, рядом с ней, подпрыгнул и полетел вниз головой. Как на грех, в тот момент ныряльщик забыл пословицу: «Не зная броду, не прыгай в воду». Мне думалось, что в полете я похож на изящного дельфина...но, наверное, со стороны больше напоминал неуклюжего бегемотика. Войдя в воду головой, сразу ощутил, что река обмелела, руками воткнулся в речной песок и почувствовал сильную боль в левом плече.... Что-то хрустнуло. Вывихнул левую руку в плечевом суставе, хорошо, что не потерял сознания под водой. После того, как поднялся и пошевелил больной конечностью, кость с хрустом встала на место. Девочка, я думаю, тоже слышала неприятный звук поврежденного сустава, и нырять передумала. В дальнейшем, время от времени, вывих повторялся и, в итоге, стал хроническим. Когда подрос, то по этой причине мне даже выдали, как говорили в народе, белый или волчий военный билет, освобождающий от службы в армии. Каким-то образом данный факт повлиял на мои убеждения, и я стал убежденным пацифистом....

Между тем с этих лав всегда удобно рыбачить – и сухо, и крючок с наживкой можно закинуть ближе к середине реки. Туда я и направился со своей женой. В одной руке держал две длинных удочки с намотанными на них снастями, в другой – банку с червями, которых я предусмотрительно накопал у Прасковьи Павловны на огороде. Наташа несла пустой

бидончик, его мы намеревались наполнить речной водой и пойманной рыбой. Наверное, я бы чаще рыбачил и с большим удовольствием, если бы не приходилось живого червяка одевать на крючок. Он при этом извивался, сопротивлялся, как мог... и ему, очевидно, очень больно. Да и пойманной рыбе, когда у нее изо рта выдергивался крючок, тоже приходилось не сладко. Кто-то не обращал на эти моменты никакого внимания, а я, почему-то игнорировать их не мог...

Пришли на рыбное место мы около двадцати часов. На улице тепло, но не жарко, солнце клонилось к горизонту, небо ясное, где-где проплывали редкие облака. Где-то рядом слышно бесконечное кваканье лягушек и стрекот кузнечиков. Ветра почти не ощущалось. Состояние комфорта и беззаботности на душе.

Размотали снасти, я насадил червяков на крючок и себе, и супруге. Пустили поплавки-перышки в свободное плавание по течению реки. Водой их быстро уносило и приходилось удочками постоянно поддергивать, чтобы вернуть пробку с пером в исходную точку. В воде на глубине виднелись жирные тела плавающих «красноперок», так мы их звали, будучи мальчишками, из-за красных плавников. Наши червяки проплывали под водой рядом с ними, но желанная добыча почему-то не хотела заглатывать наживку. «Или не подошло время ужина, или почувствовали опасность для себя», – подумалось мне. Виднелись и шустрые небольшие плотвички с бело-блестящей чешуей. Пацаны прозвали их верхоплавка-

ми, из-за того, что они плавали близко к речной поверхности.

И вдруг у Наташи поплавок резко ушел под воду, она потянула удочку на себя и подсекла небольшую плотвичку. При этом с радостным криком: «Вова – рыба!», перекинула леску с уловом через лавы, на другую сторону реки. Затем дернула удилище вверх и бедная рыбка на леске вновь совершила почти космический полет через мост. Только с третьего раза супруге удалось «приземлить» рыбешку на лавы. Я снял ее с крючка и опустил в бидончик, наполовину наполненный речной водой.

Вскоре клюнуло и у меня пару раз и я, как опытный профессионал, поймал своих верхоплавков с первого раза. Но на этом поклевка закончилась. Солнце уходило за горизонт, стало прохладно и горе-рыбаки не спеша вернулись тем же путем в комнату Прасковьи Павловны. Удивлять ее оказалось нечем, и мы обрадовались, что она не стала над нами подшучивать. Чувство юмора у нее отменное и за словом она, как говорится, в карман не лезла.

– Рыбы в реке стало мало – сказал я в свое оправдание.

– Да, недавно спирт-завод Петровский отходы спустил в реку – ответила она – рыба, наверное, и передохла.

При этом посоветовала нам завтра с утра сходить на пруд, рядом с ее домом и половить карасей.

– Все местные рыболовы ходят туда – добавила она.

Завели будильник на шесть часов утра, – во-первых, в это

время, думали мы, меньше конкуренция, во-вторых, утренний клев всегда более активный.

Проснулись, умылись холодной водой из умывальника, висящего на стене прямо в кухне, скушали простой деревенский завтрак, состоящий из пары поджаренных на газе куриных яиц. Газ в деревню подвозили регулярно в больших специальных баллонах, но только для приготовления пищи, а отопление осуществлялось обычными дровами. После завтрака пошли пешком на пруд. Путь пролегал по тропинке через небольшую дубовую рощу. Кроме дубов в ней росли и ольха, и осина, и много разных кустов. Тропинку окружала сочная зеленая трава, покрытая утренней росой. Отовсюду слышны голоса каких-то птичек. Для релаксации лучшего места и не придумать.

Пруд оказался небольшой, овальной формы, максимальным размером не более ста метров. Вокруг росли ивы, ветви которых опускались до самой воды, а в ней ближе к берегу – осока и камыш. Удочку приходилось закидывать дальше этой растительности, чтобы не зацепился крючок. Иначе, снимай штаны и лезь в холодную воду распутывать зацеп. Над водной гладью висел утренний туман, вокруг тишина, звенящая в ушах, иногда прерываемая пением деревенских петухов и птичек. И солнце, стоящее невысоко над горизонтом на востоке.... Ветра практически нет, течения тоже – закинул удочкой поплавок подальше и сиди спокойно, жди поклевки.

Однако карась, рыба активная, с хорошим утренним аппетитом. Я еле успевал насаживать червяков на свой крючок и супруги. По рекомендации Прасковьи Павловны, под будущий улов мы в этот раз взяли не бидончик, а небольшое ведерко и примерно через час-полтора, наполнили его карасями доверху. Правда, местечка хватило и для небольшого количества воды с этого же пруда. Конкуренции избежать нам все-таки не удалось. Кроме нас в это время сидело с удочками на берегу еще человек пять – шесть, и у всех оказался неплохой клев. Закончив рыбачить, пошли не спеша назад, гордясь своим уловом. Дома вывалили добычу в большой таз, который дала Прасковья Павловна, я сходил на колонку принес ведро воды и налил ее своим пленникам. Не хотел, чтобы они умирали задыхаясь. На вопрос бабки, что делать с рыбой, ответил:

– Давай подождем до следующего утра. Карасей, которые умрут, пожарим, а выживших... выпустим обратно в пруд.

Размеры среднего карася оказались примерно с человеческую ладонь. Когда мы их несли в ведерке, половина плавала «кверху пузом» и к утру, по теории, должна стать нашей пищей. Однако причиной такого плавания послужило или маленькое количество воды, или... караси просто притворялись.

Вечером ходили с Наташей в деревенский клуб, где регулярно организовывался показ российских фильмов. Об иностранных картинах мы имели весьма смутное представле-

ние, они были большой редкостью. Какое кино привезли в тот раз, уже и не помню. На просмотр пришло человек сорок среднего возраста, почти все из Бушарихи, многие мне визуально знакомы. При встрече здоровались и улыбались. Очень доброжелательные люди живут в наших деревнях. Зло здесь встретишь редко, оно все в городах, где вольно – невольно приходится бороться за свое выживание.

На другой день мы проспали до девяти часов утра. К этому времени Прасковья Павловна успела приготовить нам завтрак – опять же яичница из собственного курятника... и одинокий жареный карась. Остальные весело плавали в тазу с водой, и умирать явно не собирались. Мы с Наташей весь вчерашний улов переложили в то же ведро, и двинулись на пруд, но уже без удочек. А там, на берегу, сидели с раннего утра настоящие деревенские рыбаки, опять же – человек шесть.

И вот представьте картину: они сидят в надежде на поклевку, а мы рядом, по одному, выпускаем карасей из своего ведерка. Смеялись все – рыбаки над нами, сердобольными, а мы над ситуацией, достаточно смешной, как нам тогда показалось.

Домой, в Иваново, вернулись в тот же день под вечер. До Нерли ехали так же на грузовой попутке, а до Иванова – вечерним поездом. Впечатлений оказалось много, но моим родителям о подробностях рыбалки, во избежание насмешек, рассказывать не стали. Такие мы с супругой смешные рыба-

КИ....